

Письма А. В. Луначарского сыну «СЧАСТЬЯ БЕЗ ТВОРЧЕСТВА НЕТ...»

С именем Анатолия Васильевича Луначарского связана история организации социалистической культуры в нашей стране. Луначарский был энциклопедически образован и разносторонне одарен. Круг его интересов широк: педагог и блестящий публицист, драматург и поэт, искусствовед и литературный критик, ученый исследователь и дипломат, философ и политический борец, поразительный, неотразимый в своем блестящем образном языке художник слова — оратор.

У Луначарского был единственный сын Анатолий, родившийся в 1911 году в эмиграции в Париже. А. А. Луначарская рассказывает об отношениях Анатолия Васильевича к детям, к сыну: «Он участвовал в играх, сочинял для них рассказы, был очень изобретателен, руководил забавами. В простой форме передавал героев Пушкина, героев других авторов, например, Гулливера Свифта, рисовал вместе с ребятами и сыном этих героев, лепил их из снега; никогда не подавлял ребят своими знаниями, воспитывал в них любовь к свету и правде. Делал им увлекательные доклады о международном положении».

Сын Луначарского был комсомольцем, в войну пришел на флот. Там он вступил в партию, участвовал в нескольких трудных боевых операциях. 12 сентября 1943 года пал смертью храбрых во время Новороссийского десанта.

Между отцом и сыном были дружеские отношения. Луначарский, уезжая из дому, переписывался с сыном. Часть этих писем мы публикуем сегодня. Они педагогичны и поучительны, некоторые представляют исторический интерес, некоторые помогают уточнить биографические данные о Луначарском.

Письма подготовлены к печати В. Д. Зельдовичем.

Дорогой мой мальчик. Все еще грущу по поводу того, что тебя нет со мною. Во-первых, поездка моя интересная и была бы поучительна для тебя, а во-вторых, мне самому было бы очень приятно провести с тобой несколько дней.

Я уже пробыл в Оренбурге два дня и видел много крайне любопытного...

Я видел Меновой двор, сооруженный еще в конце XVII столетия и служивший своего рода армаркой и как бы воротами из Азии в Европу. Видел также очень интересный по своей архитектуре башкирский караван-сарай. Там расположился теперь большой и веселый башкирско-татарский педтехникум, а вместе с тем муэдзин кричит с высокого и красивого минарета, а в маленькую мечеть собирается, говорят, по пятницам целая толпа фанатических мусульманок. Выезжал я в станицу Сакмарскую, верст 25 под Оренбургом, где живут исключительно казаки. Там, несмотря на ветер и мороз, мы устроили казачий митинг на открытом воздухе, а потом я долго и чрезвычайно интересно беседовал с целой сотней казаков и казачек, старых и молодых о их житье-бытье...

В дороге я прочел замечательный роман Тьянянова о Грибоедове под названием «Смерть Вазир-Мухтара». Если ты еще не читал его, то я по возвращении в Москву обязательно дам тебе его прочесть. Получил огромное удовольствие, а потом мы с тобой об этом романе поговорим. Посоветуй и маме его прочесть.

Я надеюсь как-нибудь так устроиться в Москве, чтобы видеться с тобой почаще, разговаривать с тобой подольше.

Будь счастлив, дорогой мой сынок, вернусь я приблизительно 27—28 числа. Крепко-крепко целую тебя. Твой горячо тебя любящий папа.

19. III 1929 года.

Дорогой Толя. Получил твоё последнее письмо, где ты говоришь о безделье и бессоннице.

Бессонница (кстати, сегодня я спал хорошо), это я понимаю: приходит, и с ней ничего не поделаешь. Но безделье?

Как это может не быть делом? Скучновато было в тюрьме, и то пока был без книг, а потом начиналась даже чрезмерная работа мысли. Как это можно быть без дела? Объясни мне. Да еще в Москве! А музеи и картинные галереи? А большая некая прогулка одному или с кем-либо из близких, с мыслями и разговорами! А книги! Сокровищница всегда под руками, и переполнившее сладкой тоской сознание, что их не прочтешь, хотя бы тебе дали двести лет жизни. Работа — дело великодушное. Отдых не хуже, и дает не меньше. Безделье и скука — вычитается из нашей жизни все, больше еще, чем сон и тяжелая болезнь. Этого нельзя допустить. Я думаю, что мама тебе подтвердит, что раньше на это дело мы не тратили ни минуты. Так это было до сегодняшнего дня и будет до смерти, если, конечно, меня не разобьет паралич...

Крепко тебя целую, возможно, еще раз напишу. Поцелуй маму. Папа.

4. VII 1930 года.

Дорогой мой сынишка. Напиши мне немедленно, как идут твои дела? Как с поездкой? Напиши мне, как здоровье мамы. Я работаю непосредственно в рамках делегации и для себя. Много думаю, гуляю один по Женеве. Все время стоит чудная погода. Задумчивая и трогательная, но красивая, рыжая и бледно-голубая осень.

Я всегда любил осень. Ну, а теперь, когда я сам живу в своем ноябре (или — скажем, октябре), еще более. Хорошо иногда отойти чуточку от жизни и хорошо продумать и вспомнить. Когда уже прожита содержательная жизнь — это почти так же приятно и важно, как непосредственно переживать. Переживать можно... творя. Это самое лучшее.

10. XI 1930 года.

Дорогой друг. Я был очень рад получить твоё письмо. В нем много света и много любви и дружбы ко мне. Оно меня тронуло. Если я не умру слишком скоро, то мы еще будем с тобой теми фактически, на деле, каждый день друзьями — отцом и сыном, какими мы должны быть... По основному содержанию твоего письма скажу, что я отчасти узнал в нем себя, когда мне было 19—20 лет. Но лишь отчасти. Я не был так смел... пытался по твоему методу формировать свои дни и себя самого по образцу собственного идеала. Это мне не очень удавалось... Сомневался в себе и в других. В общем этот путь личного и социального самоусовершенствования (саморазвития в глубоком смысле) правилен и хорош. Хорошо при этом иметь друзей, которые помогали бы. У меня их было порядочно. В известной степени другом, который мне помог сделаться тем, кто я есть (это не бог знает что — не богатырь, но я и неудачником или обывателем, конечно, не могу себя назвать и к типу «Хомо сапиенс», как недавно назвала меня здесь в Женеве одна милая и тонкообразованная молодая француженка, я, может быть, не пришел), это был А. А. Богданов. Мы были довольно хорошо дружны... Очень важна и женщина. В эти годы она может быть великим другом. Такого ты имеешь. Я не имел... Советую тебе много читать. Больше всего — кроме того, что нужно тебе, так сказать, для техники знания — биографий, мемуаров. Для меня это было — и осталось — огромным наслаждением и поучением. Что касается того твоего положения, что люди внутренне интереснее, чем какими они внешне яв-

ляются, то это отчасти бывает действительно так... Крепко тебя целую. Передай мой глубокий привет маме... Прилагаю мое изображение, сделанное фотографом Лиги наций.

XII 1930 года.

Дорогой Толушенька. Пишу тебе мое первое письмо... Пока мы сидим в Женеве без дела... Я читаю газеты, хорошие книги, гуляю, думаю, пишу письма. Официальное открытие заседания будет иметь место 2, но по-настоящему батальи начнутся 8/II. Пока очень много тревог вокруг японо-китайского конфликта. Он действительно чертовски осложнился, и отсюда может выскочить что-нибудь очень скверное или... катастрофическое. Вообще, как-никак, а великие исторические события готовятся — здесь атмосфера становится все более насыщенной. Почти все главные политики скоро соберутся сюда... Всемирно-историческое и глубоко личное — вот аккорд, который звучит во мне. Я люблю быть один. Здесь я часто один. Тогда я думаю о себе, о жизни — смерти, о борьбе, работе и любви, о прошлом и будущем. В конце концов никогда в жизни так много не думал, как в этом городе, потому что здесь я чаще всего оставался относительно один. Самые лучшие часы с самим собой я провел в Женеве (особенно осенью 30 года)... Пиши мне, мой славный, красивый, умный сынок. Открой мне немного твою «широкую душу». Я с наслаждением приму в мои размышления этого февраля и марта (во многом, наверно, богатые и глубокие моменты моей жизни) твои мысли и чувства. Пока крепко жму тебе руку...

31. I 1932 года.

Дорогой Толушенька. Пишу тебе второе письмо, не дождавись твоего ответа. Живу я здесь, правда сказать, хорошо... Гуляю, смотрю на горы и воды... Я очень жажду музыки. В Москве не успеваю. Слушать музыку стараясь ходить один. Вчера очень наслаждался... Венский квартет исполняли виолончели, которые я очень люблю. Я вдумчиво вникал и подробно записал в дневник свои впечатления. Затем я читаю. Больше всего, правда, газеты. Это же и служба. Но читаю и книги. Попалась одна бельгийская... Очень талантливая, но мучительная. Опять война, трупы, страдания, опустевшие деревни. Неудачно. Но надо дочитать.

Читаю также характерно глупую книгу знаменитого историка Ф. О. Вейбу писателя. Наконец, историю литературы недавно умершего большого поэта Клябунда. Он часто в своей истории наивен, но иногда мил и... это забавно. Начинаю думать. Но только начинаю. Я очень люблю думать... Как я уже написал тебе, я получил твоё первое большое письмо. Ты, вероятно, тоже получил уже мое первое письмо. Я иду тебе навстречу и постараюсь коротко раскомментировать тебе мою жизнь... Я обдумываю задачу, которую ты мне задал. Но это письмо-биография — «самоощущения» — дело большое и возьмет у меня много времени. Поэтому, чтобы ты не ждал слишком долго моего ответа, посылаю тебе это письмо...

9. II 1932 года.

Дорогой Толуша. Вчера я получил твои два письма и хочу тебе сейчас коротко ответить. Мне твоё письмо очень понравилось. Определение познания через образ, конечно, безобразно узко. Ты правильно указываешь на то, что есть искусство, для которого задача познания стоит на заднем плане, и, конечно, нет искусства, которое преследовало бы исключительно цели познания.

Для чего познавать через образ? Почему не делать этого путем науки? К тому же наука начинает отчасти тоже через образ. А искусству, конечно, очень часто отнюдь не чужды понятия. Дело не в этом, а в том, что искусство есть дело в гораздо большей степени чувства, чем разума, и обращается к чувству.

Образ, ритм, краска, драматический элемент (моменты разных искусств) — все это прежде всего лишь чувства. Это не значит, что мысль изгоняется из искусства, но прежде всего художник формирует наиболее заражающее выражение своего целостного живого переживания. Если даже произведение искусства кажется совершенно «объективным» или «формальным», все равно оно напоено лирикой (личной, групповой, классовой). В этом его сила и особенность.

16. II 1932 года.

Дорогой сынок. Я получил твоё интересное и радостное письмо и хочу тебе коротенько ответить сейчас же. Мне все некогда продолжать начатую для тебя краткую автобиографию. Юбилей Гете, смерть Бриана, возникшая была тревога в связи с вообще пакостнейшей японо-китайской историей — все это отнимает время. Из твоих писем я вывожу заключение, что в тебе все время происходит сильнейшее брожение. В твои годы я такого в себе не запоминаю, но это чистый

А. В. Луначарский с сыном Анатолием.

плюс для тебя. Волноваться, бороться, творить и сомневаться хорошо всю жизнь, но особенно в молодости.

8. III 1932 года.

Дорогой Толушенька. Получил твоё письмо, напечатанное на машинке. К сожалению, пока что приходится беречь глаза. Поэтому воздерживаюсь от написания тебе длинного автобиографического письма. Но я очень рад получить от тебя весточку и также, что ты относительно благополучен. Бурлишь ты только очень. Но это оттого, что река твоей жизни полноводна... Мне не очень нравится, что ты — судя по твоему письму — кончаешь свой большой план серии новелл без прежней охоты. Я прочел твою повесть, присланную еще давно. Она очень мила. Но кое-где нуждается в отделке... Но тон очень хороший. Ты мне пришла копию всей серии, когда она будет кончена. Прости, что не пишу больше. У меня большая ответственная работа «Ленин в литературоведении» для «Литературной энциклопедии». А я сижу на глазной диете. Поцелуй маму. Приветствуй ее от меня... Я был у Ромэн Роллана. Очень хорошо поговорили. Впечатление самое лучшее. В сущности он большевик самого высокого тона...

29. IV 1932 года.

Дорогой сын. Ужасно жаль, что глаза все еще не позволяют мне писать большие письма. Но мне захотелось кое-о чем написать тебе. Во-первых, что я тебя горячо люблю, люблю, как развергивается твоя жизнь, и желаю, чтобы она была широкой, яркой и творческой, а значит, и счастливой. Творчество без счастья приемлемо. Счастья без творчества нет... Я сейчас более или менее пришел в норму. Работы на конференции, к сожалению, много, хотя она топчется на месте, но все же я занялся важными литературными работами. Пишу статью «Ленин» для «Литературной энциклопедии»... Работа большая и ответственная.

Во-вторых, я затеял написать довольно большую книгу (страниц 100) под названием «Фауст» Гете в освещении марксизма-ленинизма». Включу туда и мое большое предисловие или речь о Гете. Книга будет очень новая по концепции. Надеюсь изложить пафос, этику и главное эстетiku нашего миросозерцания. Этой идеей я очень увлекаюсь.

11. V 1932 года.

Дорогой сынок. Мне кажется, что в моих письмах, поневоле кратких, я всегда отвечаю тебе на все твои запросы... Мои болезни преувеличиваются у вас. У меня было их две. Одна при самом начале поездки, внезапная — частичная потеря зрения, что меня несколько испугало, но теперь фактически прошло (только побережься надо), и вот совсем недавно — два последних дня — сильное кровотечение из носа. Но со вчерашнего вечера это также прекратилось. В общем я здоров и много работаю. Чуточку меньше пишу из-за этого, но надеюсь скоро вернуться к старым нормам. Твое последнее радостное и светлое письмо доставило мне живейшее удовольствие. Я не люблю, когда ты хандрить... На июль и на август у меня есть приглашение на студенческий интернациональный конгресс и в Ниццу на конгресс работников «новых школ» и с докладами в Марсель, Лондон и, может быть, в Германию, если там не будет резко правой диктатуры, и т. п. На сентябрь я приглашен с докладом в Соединенные Штаты. Но все это виллами по воде написано. Политика разворачивается бурно, особенно в Германии... Никто ничего предсказать не может... Время крепкое, острое и решительное...

19. V 1932 года.